

ЧЕЛОВЕК МЕРА НЕ ВСЕХ ВЕЩЕЙ (СРАВНЕНИЯ С ТЕМОЙ ИЛИ РЕМОЙ ИЗ ДЕНОТАТИВНОЙ ГРУППЫ «ЧЕЛОВЕК» В ПОЭЗИИ ИОСИФА БРОДСКОГО)

Антропоцентризм ставит человека во главу угла во всех теоретических предпосылках научного исследования и обуславливает его специфический ракурс. В лингвистике антропоцентризм проявляет себя многократно. Является ли человек мерой всех вещей для И. Бродского?

Нами было проанализировано 836 сравнений, которые были извлечены путем сплошной выборки из произведений, составляющих двухтомный сборник сочинений¹ И.А. Бродского. Для семантической характеристики сравнений представлялось существенным для каждого сравнения определить отнесенность двух его компонентов – темы и ремы – к одной из пяти денотативных групп: 1) человек; 2) природа; 3) артефакты; 4) духовная культура; 5) слова универсальной отнесенности. При этом количественное соотношение тех или иных комбинаций тем и рем оказалось значимым и послужило основой для содержательных суждений об исследуемых текстах.

1. Сравнения с темой, относящейся к денотативной группе «Человек».

Сравнения с темой из денотативной группы «Человек» составляют большую часть выборки (309 сравнений (37%)).

На страницах произведений поэта появляются лица разных рас (*Мулатка тае́т от любви, как шоколадка, / в мужском объятии посапывая сладко* («1867»)) [2, с. 301]), разного возраста ((«Неббия», – *произносит, зевая, директор, / и глаза на секунду слипаются, наподобье / раковины, когда проплывает рыба / (зрачок погружается ненадолго / в свои перламутровые потемки), / и подворотня с лампочкой выглядит как ребенок, / поглощенный чтением под одеялом...* («Сан-Пьеро»)) [2, с. 69]), разных профессий и рода занятий (*Как на сопле, / все виснет на крюках своих вопросов, / как вор трамвайный, бард или философ – / здесь, на земле, / из всех углов / несет, как рыбой, с одесной и с левой / слиянием с природой или с девой / и башней слов!* («Разговор с небожителем»)) [2, с. 221]).

Лирический герой И. Бродского, «синонимичный» самому автору, самоидентифицирует себя с трагическими персонажами: *Я нанизан на холод, как гусь на вертел* («Эклога 4-я (зимняя)»)) [2, с. 105].

Нередко И. Бродский использует самоуничижительные характеристики, связанные с описаниями умственной деятельности его лирического героя (...*Затасканных сравнений лоск / прости: как запоздалый*

¹ Далее при цитировании источников или при ссылке на них в скобках дается сокращенная фамилия автора, затем римской цифрой указывается том, а арабской – страницы.

кочет, / униженный разлукой мозг / возвыситься невольно хочет («Пенье без музыки») [2, с. 236]).

Мозг для И. Бродского – самый многострадальный орган: его скручивают в бараний рог (*Свобода – / это когда забываешь отчество у тирана, / а слюна во рту слаще халвы Ширази, / и хотя твой мозг перекручен, как рог барана, / ничего не каплет из голубого глаза* («Я не то что схожу с ума...»)) [2, с. 328]), обжигают (*Там, где роятся сны, за пределом зренья, / время, упавшее сильно ниже / нуля, обжигает ваш мозг, как пальчик / шалуна из русского стихотворенья* («Эклога 4-я (зимняя)»)) [2, с. 104]); И как *сплошной ожог – / не удержавший мозг* («Горение») [2, с. 459]), он плавится (*Мозг – точно айсберг с потекшим контуром, / сильно увлекшийся Куросиво* («Примечания к прогнозам погоды»)) [2, с. 188]), деформируется (*И в мозгу, как в лесу, – / оседание наста* («Стихи в апреле (Из цикла «С февраля по апрель»)»)) [2, с. 424]).

Повторяющиеся мотивы у И. Бродского – сравнение мозга и тучи (Ср.: *Твой мозг сейчас, как туча, застит мрак* («Исаак и Авраам»)) [2, с. 58] и *Луна сверкает, зренье муча. / Под ней, как мозг отдельный, туча...* («Набросок»)) [2, с. 268]), мозга и льдинки (*Мозг бьется, как льдинки о край стакана* («Колыбельная трескового мыса»)) [2, с. 332] и *Бился льдинкой в стакане мой мозг в забыты: / над одной шестой / в небо ввинчивал с грохотом нимбы свои / двухголовый святой* («Ночной полет»)) [2, с. 347]).

Для характеристики лирического героя И. Бродский чаще использует онимы, маркирующие античную культуру. Автор примеряет маски Тезея, Ахиллеса, Улисса (Одиссея). Трагическая судьба каждого из этих героев (предательство Тезея Ариадной; убийство Ахиллеса стрелой, пущенной из лука Париса рукой самого Аполлона; скитальческая жизнь Одиссея) напоминает судьбу самого автора (предательство любимой женщины, вынужденная эмиграция). Причину обращения поэта именно к античной мифологии В. Маранцман видит в том, что «в сюжетах античных Бродского привлекает подлинность трагедии» [3, с. 296].

Бродский пристально рассматривает не только тело человека (*Рот напоминал мне о пещерах Карса* («Из «Школьной антологии»)»)) [2, с. 93]), но и его физиологические выделения (*Сны / переполнены чем-то замужним, как вязким вареньем, / и глаза праотца наблюдают за дрожью блесны, / торжествующей втуне победу над щучьим веленьем* («Время года – зима...»)) [2, с. 250]).

Описания частей тела человека чаще всего основаны на внешнем сходстве с предметами или явлениями природы. С одной стороны, И. Бродский «деанимизирует» человека [4, с. 165], создавая, например, образ человека-велосипеда: *И грудь – велосипедным колесом* («Я памятник воздвиг себе иной...»)) [2, с. 18].

Если тема сравнения Бродского – человек, метонимически названный телом, то, как правило, рема сравнения – слово из денотативной группы «Артефакт»: *Тело похоже на свернутую в рулон трехверстку, / и на севере*

поднимают бровь («Колыбельная трескового мыса») [2, с. 330]. Подобные сравнения создают обезличенный образ человека.

С другой стороны, автор не разделяет человека с миром природы. Отсюда сходство брови и заката (*И золотится бровь, как закат на карнизе дома, / поднимается вверх, и темнеют глаза подруги* («Римские элегии») [2, с. 100]), щеки и редиса (*Даже здесь щека пунцовеет, как редиска* («Эклога 4-я (зимняя)») [2, с. 102]) и т.д.

Сравнения, построенные по модели «тема из денотативной группы «Человек» + рема из денотативной группы «Духовная культура»» проводят мотив сходства текста и жизни: «*Как ты жил в эти годы?*» – «*Как буква «г» в «ого»*» («Темза в Челси») [2, с. 297].

Человек уподобляется букве (*Полицейский на перекрестке / машет руками, как буква «ж», ни вниз, ни / вверх; репродукторы лают о дороговизне* («Колыбельная трескового мыса») [2, с. 343]) либо строке (*И, выдавив: «говно!» / он (А. Фролов. – А.С.), словно затухающее «ля», / не сделав из дальнейшего маршрута / досужих достояния очес, / как строчка, что влезает на поля, / вернее – доводя до абсолюта / идею увольнения, исчез* («Из «Школьной антологии») [2, с. 99]).

Заметим, что насколько часто человек сравнивается с метаязыковыми понятиями, настолько часто и образы языка поясняются и раскрываются благодаря образу человека (*И каждый стих с другим как близкий брат, / хоть шепчет другу друг: чуть-чуть подвинься* («Большая элегия Джону Донну») [2, с. 24]; *Хореи спят, как стражи, слева, справа* («Большая элегия Джону Донну») [2, с. 25]).

Автор словно под микроскопом разглядывает человеческое лицо, голову, глаза, зрачки, веки, описывает взгляд (*Взгляд застревает в окне, точно лист – в оgrade* («К Урании») [2, с. 130], «(...) *В открытом и в смежающемся взоре / все время что-то мощное бурлит, / как будто в море. Думаю, что в море*» («Горбунов и Горчаков») [2, с. 165])

Мотив кружения связан с уподоблением головы круглым предметам: *Голова, как Сатурн, / болью окружена* («Сидя в тени») [2, с. 125].

Внешнее и моральное уродство утверждается автором благодаря сравнению лица с эталонами из денотативной группы «Природа»: *И тут Намесник, чье лицо подобно / гноящемуся вымени, смеется* («Post aetatem nostram») [2, с. 242].

Лексема *глаз* в исследовании И.В. Романовой фигурирует в числе одной из наиболее частых у И. Бродского: «Из телесных составляющих в двадцатку самых частотных слов входят лексемы *глаз, рука, лицо* (из данных по всему творчеству в целом и по «раннему» творчеству); в «поздний» период к ним добавляется лексема *тело*» [5, с. 33].

В эссе И. Бродского «Набережная неисцелимых» дан ключ к пониманию того, почему автор столь часто использует метонимию *глаз*: для поэта *глаз* суть «главное орудие эстетики» (*Короче, глаз ищет безопасности. Этим объясняется пристрастие глаза к искусству вообще и к*

венецианскому в частности. Этим объясняется тяга глаза к красоте, как и само ее существование [1, с. 171]).

Именно поэтому И. Бродский разглядывает глаз человека вплоть до зрачков, век и сетчатки (*Зрачки – как белки из дупла* («Из «Школьной антологии»») [2, с. 99]; *Два глаза источают крик. / Лишь веки, издавая шорох, / во мраке защищают их / собою наподобье створок* («Загадка ангелу») [2, с. 355]; *Можно / представить цвет крупинки мозга, / померкшей от твоей, брусчатке / сродни, сетчатки, / и содрогнуться* («Муха») [2, с. 134]).

Понятия, связанные с умственной деятельностью человека чаще сравниваются с чем-то конкретным, то есть с эталоном из денотативной группы «Артефакт» (*И крутится сознание, как лопасть / вокруг своей негнущейся оси* («Одной поэтессе») [2, с. 114]; *И вот воображеньем, как насосом, / я втягиваю старость в царство сна* («Горбунов и Горчаков») [2, с. 130]; *Берегу / воспоминанье это, как трофей, / уж на каком-то непонятном фронте / отбитый у неведомых врагов* («Из «Школьной антологии»») [2, с. 93]). Благодаря таким эталонам процессы мышления представлены более наглядно.

1. Сравнения с ремой, относящейся к денотативной группе «Человек».

Сравнений с эталоном, относящимся к денотативной группе «Человек» в выборке значительно меньше (179 (21,5%)), нежели сравнений с эталоном из денотативных групп «Артефакт» (246 (29,4%)) или «Природа» (269 (32,2%)).

Если человек – делитель для И. Бродского, то делимое чаще всего природа (*Вдалеке воронье гнездо как шахна еврейки, / с которой был в молодости знаком, / но, спасибо, расстались* («Резиденция») [2, с. 93]; *В густой листве налившиеся груши, / как мужеские признаки, висят* («Почти элегия») [2, с. 411]) или вещь (*Там были также ряды колонн, / забредшие в те снега, / как захваченные в полон, / раздетые донага (люди. – А.С.)* («Полдень в комнате») [2, с. 21], *Фортепьяно в гостиной, точно лакей-арав, / скалит зубы, в которой, короткопала / и близорука, ковыряет средь бела дня / внучка хозяина* («Резиденция») [2, с. 93]).

Таким образом, человек интересен для И. Бродского во всех его ипостасях, однако, он не является главным трафаретом, сквозь призму которого поэт прорисовывает мир.

Литература

1. Бродский И.А. Набережная неисцелимых = Watermark: Эссе. – СПб., 2007.
2. Бродский И.А. Форма времени: Стихотворения, эссе, пьесы: в 2 т. – Минск, 1992.
3. Маранцман В. Античные и библейские мотивы в поэзии И. Бродского / В. Маранцман // Иосиф Бродский: стратегии чтения: материалы международной научной конференции, Москва, 2–4 сентября 2004 г. – М., 2005. – С. 294–311.
4. Ранчин А.М. «На пиру Мнемозины»: Интертексты Бродского. – М., 2001.
5. Романова И.В. Поэтика Иосифа Бродского: лирика с коммуникативной точки зрения. – Смоленск, 2007.

